

Чёрный студент

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Чёрный студент ЧЁРНЫЙ СТУДЕНТ

Курьерский поезд летел с сумасшедшей быстротой, перерезывая широкий американский континент от одного океана к другому. Ландшафты и виды центральных штатов бесконечной чередой сменяли друг друга: большие города со множеством фабричных труб, над которыми висели тучи чёрного дыма; деревни с красивыми коттеджами, вымощенные камнем, освещённые электричеством; бесконечные пшеничные и кукурузные поля, окаймлённые живыми изгородями; леса и сады, озёра и реки, то широкие и спокойные, то узкие, тенистые, своенравно прыгающие с камня на камень. Менялись и пассажиры, хотя их гладко выбритые лица, пиджаки, купленные в магазине готового платья, и маленькие рыжие чемоданчики с патентованным замком походили друг на друга больше, чем ландшафты. Впрочем, к западу от Омаги и это однообразие стало исчезать; мы въехали сначала в усатую, потом в бородатую страну, где джентльмены не считают несообразным с их достоинством носить на лице украшение, дарованное им природой. Каждый взгляд внезапно приобрёл своё особое выражение, полустёртое городской цивилизацией на американском востоке. Даже длинные фигуры и худощавые лица переселенцев из Новой Англии неожиданно стали характерно выделяться, как ходячие карикатуры, на фоне воловых затылков и одутловатых красных щёк, принадлежавших зажиточным фермерам. Постепенно характер местности тоже изменился. Деревни стали реже, возделанные поля исчезли; вместо зелёных всходов пшеницы явились кусты седоватой полыни и жидкие пучки степной травы, скудно прораставшие из сухой и малоплодородной песчаной почвы. В воздухе стало холоднее, на горизонте обрисовалась линия голубоватых гор с белыми прожилками, обозначавшими ещё не стаявшие снега. Мы поднялись на высокую плоскую пустыню, которая некогда разделяла обе половины Америки хуже всякой китайской стены и даже теперь, церезрезанная пятью магистралями

железных дорог, оживилась очень мало. Станции, попадавшиеся на дороге, приняли убогий вид. Жалкие посёлки, носившие громкое название «Сити», имели какой-то временный характер. Здесь жили современные американские кочевники, которые привыкли при первой неудаче бросать ненасиженное место и переходить за сотни миль, складывая свой багаж, вместо верблюдов и лошадей, на платформы железной дороги. Многие дома, сшитые из тонкого тёса, напоминали палатки. Зато на каждом шагу виднелись вывески «салонов», т.е. попросту кабаков, с разными замысловатыми девизами. «Встреча смелых», «Салон золотых ребят», «Свидание рудокопов» и т.п. Местами в отдалении от полотна дороги забелели настоящие палатки золотоискателей; одежды проезжающей публики сделались проще и грубее. Белые манишки и воротнички с модным перегибом заменились фланеровыми рубашками. Вместо блестящих цилиндров появились мягкие поярковые шляпы с широчайшими полями.

Замелькали лица, поражавшие выражением необузданной смелости, мрачные взгляды из-под насупленных бровей, статные фигуры, сильные и ловкие от постоянных скитаний по горам. Иные лица и фигуры до странности напоминали сибиряков из-под какого-нибудь Барнаула или Нижнеудинска. Те же широкие, неуклюжие спины, лохматые волосы, нос картошкой, круглые серые глаза.

Несколько раз мне положительно казалось, что я вижу старых знакомых: Ивана Тридцати Восьми Лет, Ваську Сохатова или Алексея Пушных. С иными я был готов заговорить на моём родном наречии, но они перекашивали рот и вместо широкой и сочной русской речи выпускали глухие и неопределённые англо-саксонские звуки, похожие на скрип испорченной шарманки; и я умолкал и проходил мимо.

Наконец, у подножия Скалистых гор появились и индейцы, жалкие, ободранные, кое-как прикрытые шерстяными одеялами, грубыми и красными, как попоны. От них пахло водкой и дешёвыми сигарами, и они протягивали руку к пассажирам, прося милостыню. Женщины их копошились у разодранных шатров, несколько полунагих ребятишек копались в песке. Трудно было представить себе этих жалких париев верхом на коне и с оружием в руках. Даже нищие цыгане на Таганрогской ярмарке, которых я видывал в детстве,

выглядели лучше и чище.

В нашем спальном вагоне население, впрочем, не менялось, так как тут собрались пассажиры, ехавшие прямо в С.-Франциско. Был тут седой негодичник почтенного вида с такой же седой женой, сохранившей, однако, следы прежней красоты, и хорошенькой девятилетней дочкой. Это был один из «сорок девярых»

как называют в Калифорнии переселенцев, которые хлынули туда со всех сторон после открытия золота в 49-м году. Когда-то и он пришёл в Калифорнию пешком сзади телеги, на которой были сложены пара мотыг и заступ. Но теперь всё это было давно забыто, и он был собственником нескольких очень выгодных линий городской железной дороги в Окленде. Он рассказал мне, что его теперешняя жена, которую он оставил невестой в Нью-Джерси, не решалась приехать к нему целых двадцать пять лет, а он всё жил в рудниках Беллаклары и ждал её. «Тем более, что в Калифорнии вовсе не было порядочных женщин», — наивно прибавил он. Зато теперь было забавно видеть, как трогательно он ухаживал за нею, хотя их браку тоже минуло 20 лет.

Прямо против меня сидела девица не первой свежести, но довольно представительного вида. Из разговора, который она вела с женой «сорок девятого», я к удивлению своему узнал, что она тоже невеста из Новой Англии, которая едет теперь к жениху после десятилетнего ожидания. В Калифорнии теперь нет недостатка в доморощенных девицах, но по старой памяти многие из переселенцев выписывают себе подруг из восточных штатов. Даже в газетах иногда можно встретить объявление: «Человек в цвете жизни (читай — 45 лет), с независимым состоянием, живущий в Аннавиле или Дон-Хозе, ищет в невесты молодую девицу, уроженку восточных штатов».

Врач или аптекарь из Нью-Йорка ехал на запад искать счастья. Ещё одна девица, красивая, хорошо упитанная, но весьма загадочного вида, переезжала из одного американского Вавилона в другой. Она держала себя весьма неприступно, но мужчины сразу проникли в её тайну, и, когда разговаривали с ней, глаза их покрывались масляной влагой. Она обращала очень мало внимания на своего соседа, молодого человека довольно плюгавого вида, который отрекомендовался мне газетным

человеком, но почему-то попросил меня держать в тайне его профессию. Из дальнейшего разговора с ним я узнал, что его специальность состояла в постановке различного рода реклам, хотя и в этом деле он играл только второстепенную роль и занимался розничным приобретением заказов для одного бюро в Сан-Франциско.

Ах, эти рекламы!.. Они отравляют вам в Америке каждый шаг пути, в какой бы глухой угол вы ни забрались. В городах они затмевают своим ярким блеском электрические фонари и загораживают своими широкими боками десятиэтажные дома и даже самое небо. Вдоль железнодорожного полотна от них положительно нет жилья. В светлые весенние ночи, когда мы забирались в свои койки-каюты, устроенные с чисто американским удобством, я любил, отдёрнув занавеску, смотреть из широкого, удобно поставленного окна на пробегающие мимо меня поля и леса; но на каждой живой изгороди было выплетено кудрявыми готическими буквами: «Перуна! покупайте Перуну!..» Та же самая надпись была выписана на крышах одиноких домов и на дверях амбаров, белела гипсовыми полосами на траве среди зелёного луга и краснела суриком на чёрном склоне скалы над ручьём, бегущим внизу. Под конец и в мерцающей струе ручья мне чудилась та же кабалистическая надпись: «Перуна! покупайте Перуну!»

Когда я просыпался утром и высовывал голову из-под занавески, первое, что мне бросалось в глаза, были исполинские буквы на противоположной стене:

«Да! Мы продаём Перуну! Это здорово, полезно и дёшево! Покупайте Перуну!»...

А когда я покупал газету, две первые страницы были наполнены похвалами

«Перуне» в прозе и стихах и свидетельствами в её пользу от всех американских и европейских великих людей, живых и мёртвых, начиная от Юлия Цезаря и кончая адмиралом Дьюи. Хуже всего то, что я до сих пор не знаю, что такое Перуна – напиток, печенье или мазь для волос.

Прислуга в вагонах и столовой состояла почти исключительно из негров.

Это профессия, которую американец охотно предоставляет кому

угодно: негру, китайцу или зелёному новичку из европейцев, который настолько наивен, что не может отыскать себе другого источника к пропитанию. Коренной американец, «рождённый в Америке», лучше пойдёт бродяжить, а его дочь и сестра выйдут вечером на улицу, чем убирать чужие постели и подавать тарелки к столу.

Впрочем, белые американцы уверяют, что они и не годятся в лакеи и что негры и китайцы гораздо исполнительнее. Действительно, наши негры летали взад и вперёд с совершенно неподражаемой живостью. Их курчавые головы выделялись из белоснежной ливреи, как будто высеченные из чёрного мрамора. Крупные подвижные черты лица ни минуты не знали покоя. Южная экспансивность их темперамента представляла яркий контраст с обычной сдержанностью англо-саксов. Получив какое-нибудь отрывистое приказание, они непременно повторяли его вслух, потом бросались вперёд сломя голову и, жуя губами, очевидно, всё ещё повторяя те же слова. Мне захотелось завести разговор с одним из этих оригинальных потомков африканской дикости, которых англо-саксонская культура приспособила к себе в качестве домашних и полевых рабов.

— Когда мы приедем в Сан-Франциско? — обратился я к одному из лакеев, приземистому молодому человеку с толстыми оттопыренными губами и большими желтоватыми белками глаз, постоянно вращающимися вокруг.

— В Фриско, сударь? — обрадовался он вопросу. — В полдень, сударь!..

Да, сударь, в полдень!.. — Он замотал головой и ещё раз повторил ответ. Он, конечно, понимал, что я хочу завести с ним разговор и что мой вопрос не имеет особого значения, ибо все американские вагоны и вокзалы усеяны путеводителями-рекламами, и расписания всевозможных поездов назойливо лезут в глаза со всех сторон.

— Виски и сода! — раздалось в это время с другого конца вагона, и мой собеседник стремительно сорвался с места. Он успел только бросить мне на ходу ещё раз:

— Да, сударь! В полдень, сударь!

Послеобеденное время, скучное для пассажиров, требует от

прислуги самой усиленной деятельности, и мой новый знакомец до поздней ночи никак не мог улучшить минуту, чтобы поговорить со мною. Но пробегая мимо, он каждый раз приятельски улыбался и шевелил губами.

— В полдень, сударь! — ясно разбирал я. — Да, сударь, в полдень!..

Наконец пружины коек были спущены и вагон превратился в обширную спальню. Пассажиры залезли в свои норы, но прежде чем я успел раздеться, чёрный лакей подошёл ко мне с чрезвычайно учтивым видом.

— Сударь! — сказал он вкрадчиво, — хотя и жаль расстаться, но я должен сказать, что сегодня в четыре часа утра я сменяюсь...

— Ну, так что же? — спросил я.

— О, не извольте беспокоиться, сударь! Я и сапоги вычищу, и платье приведу в порядок!.. Вы только вывесьте!..

— Я не беспокоюсь... — ответил я.

— Но с утра будет другой, сударь, — настаивал негр.

— Ага! — догадался я. — Вы разве не делитесь между собою?..

— Нет, нет! — энергично замотал головою негр. — Какой делёж?.. Он, что возьмёт, то уж мне не даст. А я всё время старался услужить вам!.. — прибавил он жалобно.

Я дал ему полдоллара, и он отправился к моему соседу.

Постепенно человеческий говор совершенно утих; только вагон продолжал торопливо стучать по рельсам. Луна назойливо заглядывала в окно сквозь прорехи занавески. Я чувствовал, что не могу уснуть и, накинув на себя платье, вышел на площадку по боковому коридору, чтобы подышать свежим, холодным воздухом.

Из полуотворённой двери выходил яркий свет. Мой негр сидел в боковушке, отведённой для прислуги, и внимательно читал какую-то толстую книгу, лежавшую перед ним на столе. Он, впрочем, тотчас же улыбнулся и дружески оскалил свои белые зубы и коричневые дёсны.

— В полдень, сударь! — повторил он в десятый раз свой неизменный ответ и утвердительно кивнул головой.

Я вошёл в боковушку. С обеих сторон возле негра на скамье и на полу стояли сапоги, которые должны были быть вычищенными, и лежали сапожные щётки. Один сапог, с колодкой внутри, был

недочищен. По-видимому, негр отложил его в сторону, чтобы заняться книгой.

– Садитесь, сударь! – пригласил меня негр. – Тут, сударь!

Настое повторение слова «сударь» составляет характерное свойство негритянского языка в Америке, оставшееся от эпохи рабства.

– Что вы читаете? – спросил я не без любопытства, указывая на книгу.

– А как вы думаете, кто я такой? – ответил негр вопросом на вопрос.

Я затруднился ответом. Мне не пришло в голову ничего, кроме маленького дагомейского принца из известного романа Додэ – «Жак». Маленький Кри-кри тоже был лакеем. Быть может, передо мной был переодетый негритянский принц.

– Я студент! – сказал негр с самодовольным видом. – Вы что думаете?..

Студент-медик. Четыре семестра прошёл, ещё два семестра осталось.

Я вспомнил, что в Америке студенты часто зарабатывают себе хлеб лакейской службой, но негр – студент и лакей, это было совершенно новое явление.

– Вот и книги, сударь! – продолжал мой знакомец. – Гинекология – это моя специальность... Моего профессора Уокера! – прибавил он, указывая на книгу. – Тоже из цветных. Бойкий человек... Ещё есть – терапия, анатомия.

– А вот и кости! – и он достал из ящика под лавкой пару длинных и крепких берцовых костей, при взгляде на которые у меня почему-то возникло убеждение, что они тоже в своё время принадлежали какому-нибудь бойкому джентльмену из цветных.

– Днём бегаю, верчусь, – рассказывал негр, – а вечером урву свободную минутку – сейчас за ученье!.. Осенью экзамен, готовиться надо.

– Как же вы здесь служите? – не удержался я.

– Что ж! – сказал негр просто. – Нас здесь трое, целый факультет!..

Тот высокий человек в обеденном салоне, да ещё тут один – Гарри... Мы все с одного семестра и поступили сюда вместе. Что ж

делать?... Надо зарабатывать деньги!..

— А трудная ваша служба!.. — заметил я.

— Да! — вздохнул негр. — В два часа заснёшь, а в шесть часов вставать надо. Да целый день не присядешь!.. Вот сегодня смениться надо, поезда скрещиваются в Джексоне. Совсем спать не буду. Другой раз до самого Фриско не сплю. Потом только и отоспишься на месте... Ну, да моё дело привычное!..

С молодую в труде!..

— А как же вы попали в университет? — спросил я.

— Отчего же не попасть? — немного обиделся негр. — Теперь все цветные люди ищут образования!

Он, как это принято у негров, осторожно называл свою расу цветной.

— Я ещё семье помогаю! — прибавил негр. — У меня вся семья учится.

Брат в колледже, одна сестра в юридической школе, другая тоже в медицинской.

Только молодые все. Я самый старший.

— А сколько вам лет? — спросил я.

— Двадцать три! — ответил негр. — Мы все молодые... Этого времени, рабства, мы совсем не видали.

— А родители ваши живы? — спросил я.

— Нет, умерли! — ответил негр. — И отец и мать!.. У меня и отец и мать были грамотные! — прибавил он с гордостью. — Знаете, тогда запрещали учиться. Тайно по амбарам собирались да грамоте учились, чтобы на людей похожими быть...

— Мы из Тенесси! — продолжал словоохотливый негр. — Но из хорошей семьи. На плантациях никогда не работали... Мой дядя божье слово в устах имел... Пострадал от плантаторов в 59-м году.

— Как пострадал? — спросил я.

— Мучеником! — ответил негр, и по его чёрному лицу прошло ещё более чёрное облако. — Повесили за шею в Абботстоуне... Мир праху его! Теперь его душа в божьих селениях... Но только я этому не верю! — прибавил он вдруг совсем другим тоном.

— Чему? — спросил я в крайнем изумлении.

— Да этому!.. Какая душа? Божьи селения? Кроме силы и материи

ничего нет и не может быть... Наука учит!.. – Последние два слова он произнёс с таким же благоговейным выражением, с каким недавно говорил о мученичестве своего дяди.

Я подивился тому, как в его душе рядом уживались идеи и настроения, взаимно исключавшие друг друга. Но внимание его перескакивало с предмета на предмет с чисто птичьей быстротой, и, я думаю, он просто не успевал согласовывать свои идеи.

– А много ли цветных студентов? – спросил я.

– О! – ответил негр. – В одном нашем университете больше тысячи. Со всех сторон съезжаются. Из Тенесси, из Каролины, из Виргинии. И девушек много. Тоже иностранцы приезжают со всех сторон...

– Иностранцы, откуда? – спросил я.

– Как же! Из Сан-Доминго, из Бразилии, из Африки, отовсюду... 20 процентов иностранцев.

– А трудно всё-таки учиться! – продолжал он со вздохом. – Всё время урывками. Я ни одного семестра полного не прослушал. Накопишь немного денег, вернёшься, проживёшь месяц или два, глядь, за брата или сестру надо плату вносить. Опять бросай и ступай на железную дорогу или в гостиницу...

– А места всегда есть? – спросил я.

– Мне всегда есть! – пояснил негр с хитрой улыбкой. – Я хороший слуга, исполнительный... Другие вон, когда джентльмен приказывает, ушами хлопают... А я на лету!..

Я опять внимательно посмотрел на него. Несколько минут назад он точно таким же тоном хвалился своим хорошим происхождением. Но в этом негре, очевидно, жило несколько совершенно различных душ.

– А вы иностранец, я вижу! – начал он вдруг фамильярным тоном.

– Кто такой? Немец, я думаю!

Во многих местах Америки до сих пор иностранец и немец – понятия, большей частью практически совпадающие.

– Нет, я русский! – ответил я. – Это ещё дальше, за Германией!..

– О, я знаю! – ответил негр. – У вас тоже было рабство! – напомнил он мне, чтоб доказать, что положение России среди цивилизованного мира ему известно.

– Но мы его уничтожили! – возразил я.

– Вместе с нами! – подхватил негр.

«Нами» относилось, конечно, не к неграм, но к Соединённым Штатам вообще.

Но, решительно, географические познания этого чёрного студента выделялись над обыкновенной американской толпой.

– А как у вас живётся теперь им? – спросил вдруг негр с явным любопытством.

Я почувствовал что вопрос задел его за больное место. Что было мне ответить этому сыну чёрных рабов Америки, спрашивавшему о судьбе молодых сыновей крепостной России?..

– Разно! – ответил я уклончиво. – Их ведь много.

– Плохо, должно быть, – догадался негр. – У нас тоже не все хорошо живут. Земли мало. Вся плантацию забрали... А закладных много. Последнюю усадьбу отбирают... И работы на юге не хватает. Разъезжаются многие. Вон теперь на Кубу стали переселяться...

– А что вы потом думаете делать, когда кончите? – переменял я разговор.

– Доктором буду! – ответил негр. – Меня приглашают ординатором в госпиталь в Чикаго... Это хорошо для практики. Потом на Юг уеду, практики стану искать.

– Женитесь! – подсказал я.

По лицу чёрного студента прошло опять облако.

– На ком жениться? – сказал он со вздохом.

– Как на ком?.. Вы ведь сами говорите, и девушек много в университете!

– Это всё не то! – загадочно сказал негр. – Я никогда не женюсь!

Я посмотрел на его весёлые глаза и толстые чувственные губы. Но он на лету перехватил мой взгляд и засмеялся откровенным смехом.

– Зачем же жениться? – пояснил он свой смех. – Можно прожить и без того.

Я ничего не ответил.

– Вы любите Шекспира? – неожиданно спросил негр после короткой паузы.

– Люблю, конечно! – ответил я. – А что?

— А кто из шекспировских типов вам больше всего нравится? Из женских, конечно?..

— Дездемона! — ответил я не без задней мысли.

— И мне тоже! — подхватил негр с энтузиазмом. — Может ли быть что-нибудь нежнее и выше?.. — И он махнул рукой, не находя слов для выражения своего восторга.

Я припомнил некоторые рассказы моих американских приятелей об интеллигентных неграх и внезапно понял, что этот странный, новый для меня интеллигент, с чёрной, как голенище, кожей, усвоил себе женский идеал белой расы не хуже бедного Отелло. Быть может, в этом была виновата литература, на которой он воспитывался и которая от «Песни Песней» до Томаса Мура и Лонгфелло восхваляет лилейную белизну и чистоту молодых девушек, или американская уличная песня, злобно, высмеивающая негритянскую любовь и негритянское представление о красоте.

Я опять посмотрел на негра и почувствовал себя лицом к лицу с неразрешимой задачей. Конечно, он имел право мечтать о ком и чём угодно, но не думаю, чтобы белым женщинам могли быть приятны подобные претенденты.

— А как у вас в России с ними? — спросил негр.

Я следил за ходом его мыслей и понял, что он спрашивает о потомках крепостных и о возможности браков между ними и другими слоями населения.

— Они наши соплеменники! — неблагоприятно сорвалось у меня с языка.

Негр побледнел, т.е. лицо его приняло грязноватый оттенок, и в больших глазах мелькнуло выражение покорное и вместе злое. Так смотрит собака, которой показывают хорошо ей знакомый кнут. Так смотрели, впрочем, и некоторые из моих товарищей по гимназии, когда соседи кричали им сзади:

«Жид!..»

Поезд замедлил ход, подходя к станции. Раздались свистки. В окнах замелькали фонари платформы.

— Газеты! Новые газеты! — раздался за дверью голос, впрочем, довольно осторожный, так как будить спящих пассажиров во всяком случае не следовало.

Молодой подросток с кипой газет под мышкой, в оборванной

куртке с железнодорожными пуговицами, заглянул в полуоткрытую дверь и, увидя меня рядом с негром, скорчил полупрезрительную гримасу.

— Купите газету, господин! — предложил он однако.

— А что нового? — лениво спросил я.

Большие газеты с Запада я просмотрел ещё днём, а «свежая газета» мальчика происходила из маленького провинциального городка, где трудно было рассчитывать на обилие свежих телеграмм.

— Есть новости с Юга! — выпалил мальчик. — Двух негров линчевали в Джефферсон-Сити! — и он посмотрел на моего собеседника, прищурив глаза.

Я даже не стал спрашивать за что. Почти ежедневно то в том, то в другом углу южных штатов с поразительным однообразием разыгрывается одна и та же трагедия. Молодой негр ухаживает за белой девушкой и, отвергнутый ею, пытается навязать свою любовь грубо и насильно, как раздражённый павиан.

Впрочем, такая попытка обыкновенно кончается безуспешно, ибо женщины Юга настороже в таких случаях. При первой тревоге собирается толпа белых, отыскивает и ловит по свежим следам «насильника» и вешает его на первом попавшемся дереве. Всё время, пока я жил в Нью-Йорке, я не помню двух дней кряду, чтобы газеты не сообщали что-нибудь в этом роде из Кентукки или Тенесси.

Разносчик достал газету и прочёл вслух указанную телеграмму. Она отличалась возмутительными подробностями. Молодая вдова подверглась нападению двух негров, родных братьев, которые служили работниками на её ферме. Она защищалась с револьвером в руках и под конец успела вырваться.

Тогда негры бежали и спрятались в соседнем лесу. Женщина собрала толпу соседей и во главе её, верхом на лошади, с распущенными волосами и в истерзанной одежде, бросилась на поиски обидчиков. Старший брат был скоро найден, ранен выстрелом из ружья и немедленно повешен. Младший успел забраться подальше, но преследователи не отставали и через двенадцать часов нашли его в дупле большого дерева. Женщина собственноручно всадила ему пулю в живот! Его взвалили на

лошадь и потащили к большой дороге, но пока выбрались из леса, он лишился чувств. Его оживили стаканом спирта и вздёрнули-таки на сук. Сук обломился, но импровизированные палачи всадили в трепетавшее тело жертвы два десятка пуль и вздёрнули его снова на сук покрепче, в назидание другим неграм.

Так сообщала телеграмма. Газета прибавила от себя несколько кратких, но сильных слов, рекомендуя южной публике привести в границы всех негров при помощи горсти хороших пуль.

— Всех бы их перестрелять! — прибавил и разносчик с своей стороны, злобно поглядывая на лакея.

Негр молчал, но выражение побитой собаки выступило на его лице ещё заметнее. Я спросил себя мысленно, думает ли он ещё о Дездемоне.

Впрочем, внимание моё было отвлечено молодым разносчиком.

— Вы иностранец, я вижу? — спросил он без церемонии теми же самыми словами, что и негр раньше.

— Да! — ответил я отрывисто. Этот постоянный вопрос моих американских собеседников стал раздражать меня.

— Откуда?

— Русский!

— Я тоже русский! — неожиданно сказал разносчик. — Мы соплеменники.

Я присмотрелся к нему внимательнее. Действительно, в этом лице не было ничего американского. Такой нос и кислое выражение вокруг углов рта могли происходить только из Гродно или Вильны.

— Откуда вы? — спросил я в свою очередь.

— Ковно! — ответил разносчик.

— Вы еврей? — задал я щекотливый вопрос.

— Нет, русский! — обидчиво возразил мальчик.

— А как ваша фамилия?

— Гейман!

— Какой же вы нации? — настаивал я.

— Я говорю вам: был русский, теперь стал американец.

— В России разные люди! — доказывал я. — Есть и русские евреи!..

— Полно морочить! — сердито возразил мальчик. — В России

русские, а евреи в Жидовии...

– А где Жидовия? – спросил я улыбаясь.

– Ну, там! – неопределённо пояснил мальчик. – Палестина... Святая земля...

– А какой вы веры? – подошёл я к вопросу с другой стороны.

– Веры? – беззаботно переспросил мальчик. – Никакой!..

– А родители ваши? – приставал я.

– Родители умерли!

– А какой они были веры?

– Вы бы их самих спросили! – раздражительно возразил мальчик.

– Я не знаю!..

Я затруднился, как продолжать расспросы. Этот молодой сын переселенца из России уже успел до такой степени сродниться с американской толпой, что утратил ясное воспоминание о своей бывшей национальности, и не в моей власти было оживить его память.

– Что вы стоите? Садитесь! – пригласил я его.

Он пренебрежительно посмотрел на негра.

– Я лучше пройду к кондукторам! – сказал он.

Этот потомок Агасфера успел всосать в себя все предрассудки американской улицы, и его пренебрежение «к чёрной коже» едва ли уступало высокомерию «сотни виргинских фамилий», кровь которых считается самой благородной во всей Америке.

Я последовал за ним в комнату кондукторов, так как мне хотелось сделать ему ещё несколько вопросов. Оказалось, что его увезли из Европы трёхлетним мальчиком, но он помнил ещё эмигрантский пароход, большую бурю на море, когда посуда падала со стола и кругом все болели морской болезнью. Родители поселились в Чикаго. Отец шил сапоги, но уже шести лет мальчик остался круглым сиротой. Его приютила какая-то старая немка, а с десяти лет он уже сам зарабатывал себе хлеб продажей газет.

– Что же, можно жить этим? – любопытствовал я.

– Ещё как! – похвастал мальчик. – Я теперь на службе у компании. Для них продаю. Пять долларов жалованья в неделю. А если бы самому на себя продавать, десять можно заработать!..

Продранные локти его куртки как-то плохо вязались с этими хвастливыми речами.

– А ночью тоже продаёте? – спросил я.

– Много, – ответил мальчик. – Весь поезд не спит. Кроме спальных вагонов нельзя спать... А у нас в Чейене борьба атлетов, – джентльмены очень интересуются!..

Действительно, в газете на видном месте красовались два продолговатых мешка, соединённых под углом и оплётённых сверху какими-то канатами, что должно было изображать обнажённых борцов, обвивших друг друга руками. Внизу была короткая надпись: «Кто кого?».

– А что я вас хочу спросить? – вдруг обратился ко мне разносчик. –

Есть ли в России общества?

– Какие общества? – переспросил я.

– Такие, тайные, как у нас в Америке! – ответил мальчик.

– Разве в Америке есть тайные общества? – с недоумением спросил я.

– Как же, куча!.. – сказал мальчик. – Вот! – И отвернув лацкан куртки, он показал мне какой-то странный знак в виде медали с вырезанной на ней козлиной головой с длинными рогами, закрученными фантастической спиралью. – Это «Молодые козлы»! – пояснил мальчик, принимаясь отчищать рога рукавом куртки. – Не правда ли, как красиво?.. И ещё есть много:

«Странные парни», «Супруги белой звезды», «Миссурийские хорьки»... Не перечтёшь всех!..

– И все тайные? – спрашивал я.

– Конечно! – отвечал мальчик.

– Зачем же? – недоумевал я.

– Да если бы они не были тайные, кто бы пошёл к ним? – объяснил мальчик.

– Что же вы делаете, – спросил я, – в обществах этих?..

– О, только хорошее! – уверял мальчик. – Собираемся вместе, пьём пиво, а то пунш заварим... Пляшем с девушками!.. Ну, конечно, касса есть...

Это, как водится, везде... Ещё и ордена есть, ордена выдаём!.. – прибавил он через минуту.

– Какие ещё ордена?

– А у вас ведь есть ордена, там, в Европе!.. Ну, и у нас

также...

Кресты, звёзды с лентами... Наш президент наденет мундир, так лучше старого Биля...

Последнее фамильярное имя относилось к Мак-Кинлею.

— У меня тоже лента есть и мундир! — прибавил мальчик. — Только я их не ношу в будни. Но я заставил снять с себя портрет и отправил в Ковно: пусть полюбуются!..

— Кому? Родным? — любопытствовал я.

— Я не знаю родных! — возразил мальчик. — А послал прямо лорд-мэру.

Ведь в Ковно есть лорд-мэр, я думаю... Ну а в России есть такие общества? — возвратился он к прежнему вопросу.

Я решительно не знал, что отвечать ему. Действительно, есть ли в России что-нибудь соответствующее обществу «Молодых козлов» или «Миссурийских хорьков»?

— Не знаю! — сказал я, наконец. — Масоны, может быть... Да и то!..

Нет, не могу сказать!..

— Что масоны? — презрительно подхватил разносчик. — Старые шуты с их черепами да заступами!.. Нам из могил ничего не нужно. Мы свежие, молодые!..

Он подхватил папку с газетами и отправился в другие вагоны искать джентльменов, интересующихся борьбой атлетов. Я осторожным шагом направился назад по коридору, в каморку нашего чёрного лакея из студентов.

Он по-прежнему сидел за столом, но вместо «Гинекологии» так же внимательно читал газету, то самое место, которое описывало смерть двух негров.

Мне было неловко завести разговор, и я присел на скамейку, ожидая, когда он кончит.

Через минуту негр действительно поднял голову. На лице его было какое-то странное, упорное и вместе с тем мечтательное выражение, совершенно не соответствующее ужасной трагедии в Джефферсон-Сити.

— Скажите, пожалуйста, вы читаете по-немецки? — обратился он ко мне.

— Читаю, — ответил я. — А что?

– Недавно в медицинском журнале я прочёл, – медленно произнёс негр, –

в Базеле профессор эстетической химии приготовил средство...

– Эстетической химии? – усомнился я. – Никогда не слышал...

– Да! – упрямо продолжал негр. – Приготовил мытьё совсем новое, против загара и родимых пятен...

Я продолжал недоумевать.

– Только один раз помыться, – самые смуглые белеют... – настаивал негр.

Я посмотрел ему в глаза. Нет, по-видимому, в нём не было ни капли сумасшествия. Но безумная мечта – при помощи какого-нибудь чудесного снадобья побелеть и уподобиться белому – жила в его душе и теперь, лицом к лицу с жестокой жизненной трагедией, вычитанной из газетных строк, внезапно вырвалась наружу.

– Как вы думаете? – задумчиво продолжал негр. – Возможно ли это?..

Я опять посмотрел на эти толстые губы и шерстистые волосы. Они мало бы выиграли даже при белой коже.

– Решительно невозможно! – сказал я уверенным тоном. – Лучше вы не думайте об этом!..

Поезд опять замедлил ход, приближаясь к Джексону, где должна была произойти смена прислуги.

– Я хотел бы предложить вам маленький подарок... – сказал я, доставая из кармана доллар.

– Вот спасибо!

Негр встряхнулся, как будто сбрасывая с себя долой все тяжёлые мысли, и лицо его просияло. Это опять был весёлый простодушный малый, будущий доктор и настоящий лакей, не унывающий ни на минуту в борьбе с бедностью и трудом.

– Спасибо, сударь! – повторил он, широко скаля зубы. – Это мне пригодится!..

И он замотал головой так энергично, как будто никакие мечты о Дездемоне не входили никогда под этот широкий череп.

– Галло, Джонни!..

Высокий мулат с чемоданом под мышкой вскочил в вагон.

– Торопись, а то твой поезд уйдёт!..

Чёрный студент подхватил «Гинекологию» и пару берцовых костей и ринулся из вагона.

– Видишь, сумасшедшая голова! – проворчал мулат, убирая остальные кости под лавку.

По-видимому, это тоже был студент-медик. По крайней мере, он посмотрел на кости таким взглядом, как будто это были его старые знакомые. Очевидно, каждый железнодорожный поезд представлял своего рода странствующий чёрный университет. Мне, однако, хотелось спать, и вежливо раскланявшись с новым пришельцем, я отправился в свою каюту наверстывать потерянные часы.

1899.

Владимир Германович ТАН-БОГОРАЗ. *Heqayalar*